

17. *Russkie krestyane. Zhizn. Byt. Nrvay: Materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazya V. N. Tenisheva* [Russian peasants. Life. Daily life. Mores: Materials of the prince V. N. Tenishev's "Ethnographic Bureau"], St. Petersburg, 2004–2011, vol. 1–7.
18. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian civil law]. St. Petersburg, 1902.
19. Turitsyn I. V. *Kadrovaya politika RKP(b) i periodicheskaya pechat (1921–1925 gg.)* [Personnel policy of the RCP (b) and periodicals (1921–1925.)]. Armavir, 1998, 140 p.
20. Guterts A. V. *Stolypinskaya reforma i ee zemleustroitel A. A. Kofod. Dokumenty, perepiska, memuary* [Stolypin's reform and its Land-Manager A. A. Kofod. The documents, correspondence, memoirs]. Ed. by A. V. Guterts. Moscow, Russkiy put Publ., 2003.
21. Stuchka P. *Obschie nachala zemlepolzovaniya i zemleustroystva* [General principles of land use and land rights]. *Revolutsiya prava* [Revolution of law], 1928, no. 3.
22. Tenishev V. V. *Administrativnoe polozhenie russkogo krestyanina. Prilozhenie "Opeka v russkom krest'janskom bytu"* P. O. Tsypkina [Administrative position of the Russian peasant. Attachment « Marking in Russian peasant life» P. O. Tsypkina]. St. Petersburg, 1908.
23. Turitsyn I. V. *Vlast i pressa v sovetskoj Rossii: problema vzaimootnosheniy i vzaimovliyaniya v 20-e gody* [The power and the press in Soviet Russia: the problem of the relationship and interaction in the 20s]. Moscow, 1998, 248 p.

ТУРКМЕНСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ КАСПИЙСКОГО МОРЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В 1800–1820-е гг.

Оздамирова Элиза Мусатовна, старший преподаватель, Чеченский государственный университет, Российская Федерация, Чеченская Республика, 364049, г. Грозный, пр-т Кирова, 47, E-mail: eliza1976@mail.ru

В начале XIX века российское правительство, оказалось в ситуации поиска выгодных рынков сбыта для молодой российской промышленности. Средняя Азия с ее огромными пространствами и аграрным характером производством, исторической близостью к границам России и многовековыми традициями культурно-экономического взаимодействия, оказалась наиболее подходящим регионом в этом отношении. Удобнейшим и ближайшим торговым путем в Среднюю Азию из России издавна был торговый путь из Астрахани по Каспийскому морю до восточного побережья – Туркменистана. И уже оттуда перегруженные на верблудов товары отправлялись вглубь Средней Азии. Кроме того, и само туркменское население было заинтересовано во взаимовыгодном торговом сотрудничестве с Российской Империей. В 1800–1820-е гг. начинается активное исследование туркменского побережья Каспия с целью основания форпоста для экономического и политического продвижения России в этом регионе. На основании анализа российской и туркменской историографии, архивных источников, автор статьи предпринял попытку описания этого процесса.

Ключевые слова: внешняя торговля, азиатское купечество, торговый путь, экономическая политика, туркмены

THE TURKMEN COAST OF THE CASPIAN SEA IN THE ECONOMIC POLICY OF THE TSARIST GOVERNMENT IN 1800–1820-ies

Ozdamirova Eliza M., Senior Lecturer, Chechen State University, 47 Kirova Ave., Grozny, 364049, Russian Federation, Chechen Republic, E-mail: eliza1976@mail.ru

In the early nineteenth century the Russian government, in a situation of finding a profitable market for young Russian industry. Central Asia, with its vast open spaces and agricultural nature of the production, historical proximity to Russia's borders and centuries-old traditions of cultural and economic interaction, turned out to be the most suitable area in this respect. The most convenient and nearest trade route to Central Asia from Russia has long been a trade route from Astrakhan on the Caspian sea to the East coast of Turkmenistan. And then overloaded goods on camels went deep into Central Asia. In addition, the Turkmen population was interested in mutually beneficial trade relations with the Russian Empire. In 1800–1820-s starts the active study of the Turkmen coast of the Caspian sea with the purpose of establishing an Outpost for the economic and political development of Russia in the region. Based on the analysis of Russian and Turkmen historiography, archival sources, the author attempted to describe this process.

Keywords: foreign trade, Asian merchants, trade route, economic policy, Turkmens

Начало XIX в. поставило перед царским правительством задачу укрепления и расширения торговых связей со среднеазиатскими ханствами – Бухарой, Хивой и Кокандом, рассчитывая экономическими методами добиться здесь роста своего влияния. В этой связи, каспийская проблема приобрела еще большее политическое значение для России [32, с. 31, 54], так как в конце XVIII – начале XX в. почти все торговые пути, соединявшие Восточную Европу со Средней Азией проходили через туркменские степи [3, с. 242].

Одним из актуальнейших направлений этих путей было направление через Астрахань и туркменское побережье Каспийского моря. Коммерческое освоение этого пути сократило бы стоимость перевозки грузов, облегчило бы установление отношений с туркменскими племенами, а главное – дало бы возможность миновать места, где торговые обозы подвергались наибольшей опасности. Но «реализация таких планов затруднялась недостаточной осведомленностью о восточном побережье Каспийского моря» [30, с. 10].

В этой связи справедливо мнение барона Ф. Корфа, о том, что первым и главнейшим шагом к улучшению торговых отношений должно быть «ближайшее рассмотрение местных обстоятельств. Для этого нужно ознакомиться с краем, вникнуть в характер его обитателей, исследовать их потребности и прихоти» [21, с. 124]. Эти «обстоятельства» и оказались в центре внимания Петербурга уже в первое десятилетие XIX в.

Царское правительство добивалось прочного контроля над восточным Каспийским побережьем исходя не только из экономических, но и из политических интересов. Не последней была цель укрепления обороны подступов к Каспию и обеспечения влияния России в Иране и ханствах Средней Азии, посредством утверждения своего влияния на восточном побережье Каспийского моря [18, с. 314]. Задача эта была поставлена еще во времена Петра I. Тем не менее, «многочисленные попытки создания русских военных и коммерческих баз на южном участке этого побережья не привели к практическим результатам» [32, с. 54].

Несмотря на постоянство контактов между Россией и Востоком, в первые десятилетия XIX в. ощущался дефицит достоверной информации о приграничных районах Азии. Даже на официальном уровне существовали весьма смутные представления о том, что реально из себя представляют те или иные регионы вообще, и туркменское побережье, в частности [28, с. 7].

Такое положение было связано, прежде всего, с тем, что информация о Востоке, накопленная в сфере академического востоковедения к началу XIX в., содержала главным образом востоковедческие исследования, выявлявшие или комментировавшие древние или средневековые источники, «...Актуальными политическими вопросами восточных стран ориенталисты, как правило, не занимались. Несмотря на сравнительную близость Азии и постоянные контакты с восточными народами, азиатские территории продолжали оставаться “терраинкогнита”» [17, с. 172–173; 29, с. 104].

Даже географические карты Средней и Центральной Азии страдали значительными искажениями. В 1832 г. А. И. Левшин, обобщив сведения, собранные российскими офицерами, опубликовал новую карту Средней Азии, констатируя: «Свод сих драгоценных трудов в одно целое показал, что все донные известные карты Азии общие и частные, исключая карт Мейендорфа, приложенных к его “Путешествию в Бухарию”, дают столь несправедливое понятие о стране, составляющей предмет сего сочинения, что в некоторых отношениях они скорее могут быть признаны мечтательными предположениями, нежели собраниями топографических сведений. В них горы показаны на месте долин, озера – там, где нет вод, реки текут в направлениях противоположных истинному их течению и проч.» [22, с. IX–X].

Для ознакомления с географическим и экономическим положением возможных контрагентов российской внешней торговли на Востоке и достижения позитивных результатов российское правительство в начале XIX в. предприняло ряд мероприятий, одним из которых стало направление экспедиций к туркменским берегам Каспийского моря.

Зачем России нужен был форпост на восточном берегу Каспийского моря? Ответ на этот вопрос дает российская публицистика рассматриваемого периода: «30 дней от Тюк-Карагана до Хивы, но это до Хивы, а Хива сама по себе ничтожный клочок земли, и на ее рынке нет простора большим капиталам. Восточнее ее лежат плодотворнейшие оазисы, ханства более богатые, как Бухара и Коканд, которые вместе с другими, мельчайшими, подвластными, или неподвластными им, как Ташкент, Туркестан, Ходжент, Шехри-Себз, Хиссар, Балх и прочие, представляют или могут представлять, довольно обширный рынок нашему торгу».

В особенности могла бы служить сем Бухара, самый значительный город Средней Азии. Богатый и торговый. Богатый, не столько своими произведениями, как торговлей, которой он является средоточием в той стране, производя ее с Россией, Персией, Афганистаном, Индией, Китаем и со всеми окрестными ханствами. Таким образом, главное – Бухара. От Хивы до Бухары всего 350 верст» [13, с. 381].

Одним из факторов, сдерживавшим развитие торгово-экономических связей прикаспийских туркмен с Россией в начале XIX в. было то, что русские торговые суда нерегулярно посещали туркменское побережье – всего один – два раза в год, и привозимые на них товары не могли, естественно, полностью удовлетворить потребности прибрежного населения [21, с. 24–25].

Политические симпатии туркмен к России были во многом обусловлены потребностями экономики и хозяйства страны. Туркменские племена нуждались не только в хлебе, но и в промышленных, а также текстильных изделиях. В Туркменистане в I половине XIX в. не хватало чугуна, стали, железа, меди, ситца, сукна и других изделий. Острая нужда в товарах не могла быть удовлетворена за счет внешней торговли, которая несмотря на некоторые сдвиги, в общем еще была слабо развита, а основной формой торговли все еще оставался примитивный натуральный обмен [19, с. 393].

Это обстоятельство, а также непостоянство торговли с Хивинским ханством и Ираном вынудили прикаспийских туркмен искать удобные внешние рынки для сбыта своих скотоводческих, рыбных и ремесленных изделий. В качестве такого удобного рынка могла служить Россия. В вывозе своих товаров в Астрахань туркменские торговцы также испытывали затруднения. Не имея в своем распоряжении достаточного количества торговых судов, они всецело зависели от астраханских купцов и рыбопромышленников и вынуждены были ожидать прибытия русских судов и их обратных рейсов в Астрахань. Отъезд из Астрахани, опять-таки, был сопряжен с длительным вынужденным ожиданием попутного корабля. Такие путешествия отнимали в общей сложности год, а иногда и два-три года. Эти затруднения и послужили причиной неоднократных ходатайств прикаспийских туркмен о том, чтобы русское правительство организовало торговые укрепления и фактории на восточном берегу Каспийского моря.

Царское правительство щедро раздавало обещания, однако ограничивалось полумерами: тщательно изучало восточное побережье Каспия и намечало отдельные удобные пункты для основания торговых факторий и сооружения военных укреплений. При выборе места для основания русской фактории на восточном берегу Каспийского моря Петербург руководствовался тремя соображениями: 1) близость к русским портам, и, прежде всего, к Астрахани; 2) удобное географическое положение; 3) гарантии доброжелательных отношений со стороны местного населения – туркмен [32, с. 31].

Без содействия правительства экономическое взаимодействие на восточном берегу Каспия было обречено на неудачу. Вот что писал по этому поводу известный этнограф Галкин: «В XIX в. наши торговцы открыли было торговлю сначала в Краснодарском заливе, откуда надеялись торговать с Хивой; потом пытались в Астрабадском заливе, где кроме туркмен сбыт наш могли приобрести и персияне; но все эти попытки наших купцов завести выгодную торговлю без содействия нашего правительства, были безуспешны: не нуждаясь в насущном, местные жители не делали запасов ни рыбы, ни своих произведений, а только имели в виду, как бы ограбить наших купцов и овладеть всем их имуществом даром, что и удавалось им нередко» [9, с. 23].

Первые дружественные контакты русских с прибрежными туркменами в описываемое время произошли еще в 1800–1801 гг. Видимо, туркменские старшины коренным образом пересмотрели свое отношение к проникновению русских купцов и товаров в их владения. Исследователи, основываясь на архивных данных, подтверждают, что накануне описываемого времени, в конце XVIII в., мангышлакские туркмены старались обобрать приезжавших к ним российских купцов (грузин и армян) и имели с ними «дурное обхождение» [3, с. 78].

Инициатором взаимовыгодных контактов выступило астраханское начальство, которое решило опереться на опыт и возможности купечества. Директор астраханской портовой таможни С. С. Иванов, «полагая, главнейшим всегда предметом в прохождении своих обязанностей попечение о приведении здешней торговли во всевозможное совершенство и предохранение оных от всех неприятных и действующих на ее благосостояние влияний, искал давно случая показать новый опыт своего усердия и благопрियательства; а на каковой конец поручил многим испытанным в знаниях о здешней коммерции торговым людям доставить к тому каковое-либо ближайшее средство».

Выбор Иванова в конце 1800 г. пал на астраханского из армян купца Артемия Аракелова. Ему было поручено «испытать внутреннее состояние здешней торговли с Бухарию, Хивой и Туркмению и отыскать благонадежнейшие способы ко удалению всех неблагоприятных соседних народов на нее покушения как полагающих всюду границы ее распространению и действию». Директор таможни выбрал именно Аракелова, потому что «с давних лет с помянутыми народами производит торг и по знанию их состояния нравов коммерческих и оборотов, еще в 1798 г. был послан с данным ему секретным наставлением от бывшего здесь обер-коменданта и исправляющего тогда должность губернатора Астраханской губернии г. А. Базина во владение сих народов для исследования внутренних их движений, приверженности к российскому престолу и всех их расположений, относящихся до пользы России» [26, с. 134–135].

А. Аракелов в начале декабря 1801 г. направил донесение директору Астраханской портовой таможни С. С. Иванову о своей поездке на Мангышлак и прибытии в Астрахань 4 депутатов от туркмен-абдалов с просьбой принять их в подданство России. По «бренности своей в Мангышлаке», Аракелов старался «всемерно изыскать лучшие и удобнейшие средства к расширению в тамошнем краю торговли российской», наблюдал «за всеми видами тамошних народов» [26, с. 135].

Но, правительственные круги России ни в 1801 г., ни в течение всей первой половины XIX столетия, не решались включить туркмен в число своих подданных. Петербург в описываемый период придерживался другой точки зрения в этом вопросе. Ее высказал полномочный министр России при дворе иранского шаха И. О. Симонич в середине 30-х гг. высказал мысль о необходимости, объясняя эту меру прежде всего экономическими выгодами: «...Как использовать выгодное положение Каспийского моря для развития русской торговли? Я всегда был убежден, что если бы Россия признала туркмен подданными Персии (при условии что последняя примет на себя по отношению к ним обязательства, наблюдение за выполнением которых будет гарантировано Россией), можно было бы наипростейшим путем, во всяком случае дорогостоящим, добиться прочного влияния на туркменском побережье и в то же время открыть огромный и совершенно новый рынок для русской торговли» [27, с. 112].

Именно от туркменских депутатов, прибывших с Аракеловым, прозвучало впервые предложение утвердить «беспрерывный при Мангышлакской пристани и полезный для России торг хивинскими, бухарскими и прочими товарами». Для того, чтобы «приохотить всех к производству оного обитавшие там соседственные народы в превосходственном количестве, необходимо нужно построить при самой пристани», где будут приставать «российские купеческие суда, надежную крепость и снабдить ее военными российскими снарядами» [31, л. 6]. Все последующие экспедиции в этот район должны были решить именно эту задачу.

В том же 1801 г. со своей инициативой выступил Д. Б. Мертваго – бывший советник провиантской экспедиции в Санкт-Петербурге. Он поступил на службу к купцу Злобину. Он получил предложение от Злобина стать управляющим делами последнего в Астрахани. Мертваго убедил купца «начать торг с Индией из Астрахани через Астрабад, отколе ходят караваны в Дели» [15, с. 154]. Но замыслы Мертваго так и остались на уровне проектов, поскольку Александр I, услышав о дворянине, устроившемся купеческим управляющим, пожаловал Мертваго значительную сумму, и тот был вынужден оставить сою «подлую работу» [28, с. 32].

В 1804 г., в связи с начавшейся русско-иранской войной, русское командование предприняло меры по обеспечению обороны берегов Каспийского моря. В октябре 1805 г. из Астрахани в Мангышлак была снаряжена экспедиция под руководством военного инженера генерал-майора Фелькерзама, которой было поручено обследовать Тюк-Караганский залив и устье р. Эмбы [5, л. 91]. Это была первая экспедиция, в описываемый период, которая занялась решением главного вопроса: поиском места для основания русской колонии на восточном берегу Каспийского моря, которая должна была стать не только торговой факторией русских в этом регионе, но и плацдармом для продвижения на Восток и Юго-Восток [26, с. 198].

Для устройства укрепления Фелькерзам предложил Тюк-Караганский угол, причем рассчитал затраты России на построение предполагаемого укрепления: «Сооружение Тюк-Караганского укрепления и построение при оном всех принадлежащих зданий, производя оную работу вольнонаемными из России

мастеровыми и рабочими людьми, будет стоить казне до 1050 руб.». Инженер даже изобразил план будущего укрепления.

Он привел достаточно обоснованные доводы в пользу своего выбора. Прежде всего генерал-майор Фелькерзам перечислил выгоды, «могущие произойти» от его предложения: а) российские купеческие суда могут в одном году не один и два раза, а гораздо больше пускаться в путь, не так, как то доселе бывает, и не будут уже иметь причины опасаться быть от своих отечественных жилищ отрезанными, взирая на ледяные пространства, которыми при Астрахани морские берега на знатное расстояние в море и все реки покрываются и на которые, если купцы опоздают, они, наезжая, неминуемо погибают, и сами суда, и товары их...» [5, л. 171].

Но адмирал Мордвинов отверг это предложение, под предлогом необходимости устройства колонии как можно далее от Хивы. Мордвинов, в свою очередь, предложил побережье Краснодарского или Огурчинского залива.

Надо сказать, что удобства Тюк-Карагана не составляли тайну для российского общества в целом. «Чем же невыгоден Тюк-Караганский залив?, – рассуждал публицист А. П. Соколов, – караваны Средней Азии к Сибирской и Оренбургской границам совершают долгие и трудные переходы, а оттуда к Нижнему. Они идут по 2 и по 3 месяца, делают тысячи верст, а все-таки идут туда. И большая часть нашей торговли с Средней Азией производится там (на Сибирской и Оренбургской линиях – М. И.). Немудрено, что при такой трудности сообщения, увеличиваемой грабежами рассеянных по степям киргизцев, торговля эта вообще ничтожна» [13, с. 380].

Тем не менее, осторожное правительство рассудило, что предлагаемое Мордвиновым место «подвержено тому неудобству, что соседственный ему народ Хорасанской области, воинственный и к грабежам склонный, всегда будет нападать на караваны, из Хивы идущие, и против многочисленности оного невозможно дать защиту, что может быть причиной, что караваны к сей стороне не обратятся». Еще один недостаток предлагаемого места заключался в том, что и персияне «не останутся равнодушными, видя нас учреждающими заведения, сколько близко к границам их» [15, с. 198].

Активизация России на Восточном берегу Каспия стала возможна после 1813 г. Тому есть ряд причин: с конца XVIII в. главным направлением внешней политики России была борьба с Наполеоном, закончившаяся, Отечественной войной 1812 г. и заграничным походом русской армии 1813–1815 гг.; кроме того, в 1804–1813 гг. Россия находилась в состоянии войны с Ираном.

В 1817 г., в Иран, была направлена миссия, во главе с генералом А. П. Ермоловым, со специальным заданием заключить особый договор дружбы между двумя странами [26, с. 155]. Специально оговаривалась и проблема экономических и политических отношений с туркменами.

А. П. Ермолов, считая полезным возобновить сношения с туркменами с целью направления через их земли торгового движения на Хиву и Бухару, а оттуда в Северную Индию, полагал нужным построить на юго-восточном берегу Каспия гавань и начать строительство складов для товаров [1, с. 19].

Надо сказать, что данная инициатива исходила не от самого Ермолова. Адмирал Н. С. Мордвинов не оставил своих попыток «приискать» место на восточном берегу Каспия для русской колонии и возложил это поручение от имени Комитета министров на Ермолова [22, л. 5]. Мордвинов пользовался авторитетом среди самых широких слоев российского общества, и многочисленные копии его записок по различным вопросам расходились по всей России.

Адмирал актуализировал тезис о необходимости развития экономических связей преимущественно с Азией, выдвинутый еще в XVIII в. Так, в записке А. Арсеньева, поданной президенту Коммерц-коллегии в 1798 г., содержится рекомендация: «России должно заводить торг с теми народами, у коих рукоделья... в равном с Россией несовершенстве; которым нужны ее обделанные товары, а не сырье; которые могут ее снабжать теми произведениями природы, коих недостает в России» [6, с. 204]. К числу этих народов он относил и туркмен.

По замыслу Мордвинова восточное побережье Каспия и Астрахань должны были стать ступенью к внутренним просторам Азии. С этой целью адмирал предлагал начать возведение порта в Краснодарской бухте: «В оном соединиться может торговля сухим путем из сухопутной части Персии, Бухарии, северной Индии, а морем – из Астрахани и Баку». Мнение Мордвинова получило не только поддержку членов Комитета Министров А. А. Аракчеева и Д. А. Гурьева, но и высочайшее одобрение [4, с. 148–149].

Ответственность за претворение в жизнь планов Мордвинова была возложена на генерала А. П. Ермолова [7, с. 22]. Н. И. Гродеков писал, что Ермолов возобновил сношения с туркменами в 1819 г. По его словам, правительство России, намеревавшееся расширить политические и торговые сношения со Средней Азией, Ираном и другими восточными странами, предоставило Ермолову снарядить две экспедиции: одну – для исследования восточного берега Каспийского моря и установления сношений с туркменами, а другую – в Хиву. Русское правительство пришло к заключению, что лучшим местом для сооружения торговой фактории и постройки укреплений мог бы служить какой-нибудь пункт на берегу Каспийского моря [1, с. 9–10].

Но и А. П. Ермолов не смог достичь существенного прогресса в установившемся порядке взаимоотношений туркмен с царизмом. Касаясь результатов миссии Ермолова, в целом, следует согласиться с выводами С. В. Сопленкова: «Несмотря на политические успехи Ермолова, качественно новый этап в российско-туркменских экономических связях не наступил» [28, с. 38].

Если экспедиции в этот район начала XIX в. носили достаточно разрозненный характер, то в 20–30-х гг. началось «систематическое исследование» [29, с. 10]. В целях развития торговли изыскивались места для строительства новых пристаней, собирались важные статистические, физико-географические и топографические данные, а также этнографические о туркменском населении прибрежной территории.

Не последнее место занимали и политические интересы России на Каспии. Неизбежным следствием заключения Гюлистанского мирного договора с Персией, стало усиление влияния России на Каспийском море. Россия получила контроль над Каспийским бассейном. Но для того чтобы осуществить этот кон-

троль практически, царскому правительству необходимо было иметь военно-морские базы не только на северном (Астрахань) и западном (Баку, Тифлис), но и на восточном берегу Каспия [32, с. 72].

Русское командование решило создать опорные пункты на побережье Туркмении. После первой русско-иранской войны, обстановка для осуществления этого давнишнего замысла стала более благоприятной, нежели в XVIII в. С этой целью в 1819 г. главнокомандующим в Грузии А. П. Ермоловым, была отправлена экспедиция на туркменский берег, во главе с начальником Елизаветпольского (т.е. Ганджинского) округа майором М. И. Пономаревым и капитаном Н. Н. Муравьевым, к которым прикомандировал купца И. Муратова. Одним из заданий было и ознакомление с жизнью прикаспийских туркмен и намерение установить с ними взаимовыгодные торгово-экономические связи. Она должна была выбрать место для постройки укреплений, склонить туркмен к приятным отношениям к России и устроить на их берегах пристань для купеческих судов [2, с. 34].

Задача поиска места для постройки укрепления и изучения образа жизни прибрежных туркмен, установления с ними дружественных отношений, объясняет выбор Ермоловым начальников экспедиции.

В донесении вице-канцлеру К. В. Нессельроде, от 31 августа 1819 г. он объяснял его так: «Состоящего по армии майора Пономарева избрал я начальником экспедиции, на благоразумие и осмотрительность которого имею я право положиться. Для военного обозрения присоединил я к нему гвардейского генерального штаба капитана Муравьева. В Астрахани нашел я армянина, не один раз посещавшего туркменские народы и имеющего между ними знакомства» [5, л. 5].

М. И. Пономарев получил 13 июня 1819 г. от А. П. Ермолова отдельную инструкцию: «Торговля с Хивой по важности своей и многообразию редких произведений сей земли издавна обращает на себя внимание. Доселе хивинские караваны к нам приходящие имеют одну только дорогу к Астрахани чрез весьма обширные степи, но чрезвычайная дальность сего пути. А наипаче при сближении с Астраханью всегдашняя для караванов опасность от нападения киргиз-кайсацких орд служит весьма большим препятствием, останавливая свободный ход сей торговли и крайне при этом возвышая цену товаров. Для чего предположено сделать испытание, не возможно ли избежать сих неудобств, учредив торговые наши сношения с Хивой кратчайшей и безопасной дорогой прямо через земли туркменских народов к восточному берегу Каспийского моря. А оттуда посредством мореходного сообщения сблизить сию торговлю с Бакинским и Астраханским портами».

Кроме вышеизложенной конечной цели экспедиции, Пономареву предписывалось решить еще несколько вспомогательных задач: осмотреть Огурчинскую и другие пристани восточного берега Каспийского моря; разузнать о численности, образе жизни и порядке управления туркмен; выяснить степень «приятности» между туркменским и хивинским народом, отношения туркмен к Персии; «открыть верные способы, через которые можно было бы на прочном основании обеспечить свободное и безопасное следование караванов из Хивы и обратно чрез туркменские земли, неприкосновенность нашим торговым заведениям [11, с. 198–199].

Для «таковых испытаний» царское правительство отдавало в распоряжение экспедиции два военных судна: одно военное, а другое купеческое. Также Ермолов распорядился, чтобы вместе с офицерами отправился уже известный нам астраханский купец Иван Муратов, тот самый, который в 1813 г. уже был у туркмен и привез к кавказскому главнокомандующему Ртищеву туркменских депутатов [11, с. 198–199].

Н. Н. Муравьев писал, что намерением главнокомандующего в Грузии генерала А. П. Ермолова было «устроить на берегах пристань, в которой купеческие суда наши могли бы лежать спокойно на якоре и безопасно складывать товары свои, почему и предполагал устроить для оного небольшую крепость». В инструкции на имя Н. Н. Муравьева говорилось, что «место сие не должно быть слишком близко к владениям персидским, дабы не возбудить опасения против нас, неблизки к Хорасану, дабы караваны с товарами, которые впоследствии правдоподобно к нам обратятся, не подвергнуться нападению...». Единственно чего опасались при выборе места – недостатка пресной воды, на изыскание которой, «должно быть обращено все тщательное внимание. Ибо, всякий другой порок в самом местоположении может, при утверждении крепостцы быть исправлен искусством» [25, с. 1; 10, с. 98]. Для защиты пристани предполагалось соорудить защитные укрепления.

В выборе места рекомендовалось также «иметь ввиду самый лучший путь от него до Хивы, дабы не впасть в места непроходимые или совершенно безводные, впрочем, если на всем пространстве будут хоть изредка источники или копани, то сего весьма достаточно для караванов, по известному способу запасаться водой и потому, что караваны отправляются на верблюдах» [24, с. 449]. В итоге, выбор Муравьева остановился на двух пунктах: на Серебряном Бугре близ р. Гюрген и на Балханском заливе у Красноводска [10, с. 98].

Сношения с туркменами были возложены на Пономарева и Муратова, Муравьев же, в качестве офицера Генерального штаба, должен был осмотреть побережье, а затем отправиться в Хиву для переговоров с Хивинским ханом и для описания страны [32, с. 33].

Муратов тотчас по прибытии был высажен на берег и «со всеми нужными наставлениями и пособиями» был отправлен в кочевье туркменских народов с «уведомлением от себя» о прибытии экспедиции. Обязанностью Муратова было склонить туркмен на суда экспедиции «пяти или шести человек старшин, имеющих в народе уважение, для личных с вами объяснений». Ермолов считал, что весьма полезным было бы иметь в числе этих людей старшин, которые некогда приезжали к его предшественнику Ртищеву. Но переговоры были полномочны вести только Пономарев и Муравьев [26, с. 198–199].

Начальники экспедиции встретились в Гюмиш-Тепе с туркменами и вели переговоры с Кият-ханом о торговле и пр. [11, с. 90] Встреча прошла «с возможной благосклонностью», но туркмены не одобрили идею создания крепости на их землях, согласившись лишь на «учреждение на их берегах магазинов для складки товаров» [26, с. 201].

Материалы экспедиции были представлены Комитету по азиатским делам на рассмотрение. Однако они не удовлетворили Петербург, и было решено отправить новую экспедицию для более тщательного исследования Краснодарского и других заливов. В документах тех лет отмечается, что в 1820 г. А. П. Ермолову вновь было предложено сообщить туркменам, что русское правительство согласно на утверждение постоянных дружественных и торговых отношений, подобных тем, какие существуют с прочими независимыми народами [26, с. 201] и что им были предприняты определенные шаги в этом направлении [16, с. 153]. Туркмены согласились на устройство торговой пристани на своем берегу. Но, связи с прибрежными туркменами, завязанные Н. Н. Муравьевым, не были закреплены и развиты. Заложенная им в Краснодарском заливе база была заброшена [32, с. 54].

В целом, главная задача экспедиций 1820-х гг. была в укреплении дружественных экономических и политических связей России с прикаспийскими туркменами. Если говорить о других результатах экспедиции, то они были весьма значительны: были собраны важные исторические, торгово-экономические и этнографические данные, а также материалы о полезных ископаемых острова Челекен и т.д.

Экспедиция Н. Н. Муравьева связывалась с упоминавшимся уже иномудским ханом – Кият-ханом, сторонником развития торгово-экономических отношений туркмен с Россией. Еще в 1813 г., будучи на приеме у генерала Н. Ф. Ртищева, Кият-хан ходатайствовал о принятии подвластных ему иомудов в подданство России [14, с. 96]. Кият-хан очень любезно принимал русские экспедиции на восточном берегу Каспия. Известно, что в конце 1819 г. в качестве представителя прикаспийских иомудов он побывал у генерала А. П. Ермолова в Тифлисе. Известно, так же, что Кият-хан занимал враждебную позицию по отношению к иранским властям, так что, еще и поэтому стремился использовать Россию для укрепления своей власти над прикаспийскими туркменами. Всю торговлю России с Туркменией он стремился направить через свои владения [5, л. 24–27].

А. П. Ермолов, докладывая в апреле 1820 г. вице-канцлеру о результатах экспедиции Пономарева и Муравьева высказал мысль о необходимости присоединения к России восточного побережья Каспийского моря, что, по его мнению, можно осуществить «не нарушая приязненного к Персии расположения, не уничтожая влияния ее на туркменцев», так как они не являются, собственно, подданными персидского шаха.

Нет сомнения, что такая позиция Ермолова основывалась на выводах Н. Н. Муравьева. Он первый сформулировал мысль об экспансии в Среднюю Азию, вносящую значительные коррективы в планы петербургских сановников, отдававшим предпочтение экономическим методам проникновения в Азию. Штабс-капитан писал о Хиве: «Если бы край сей был во владении России, то, конечно, принес бы торговле нашей значительные выгоды, ибо возродилась бы промышленность, и вся Азийская торговля... могла бы обратиться через Хиву в Астрахань» [24, с. 101–102].

Аналогичные мысли высказывались и в книге барона Мейендорфа – участника российской миссии 1820 г. в Бухару под руководством А. Ф. Негри, вышедшей в Париже в 1826 г. [23, с. 19]. Предложения Мейендорфа и Муравьева были, тем не менее, еще не своевременны, актуальными и воспринятыми правительством и обществом они станут по прошествии трех десятилетий. Более того, в 70-80-е гг. XIX в. будут претворены в жизнь.

Более реальным и соответствующим задачам российского правительства в данном регионе в I половине XIX в., было другое предложение Ермолова, изложенное в цитированном документе: «...бесспорно важнейшая цель есть устройство заведения на восточном берегу Каспийского моря, и для того почитаю необходимым, в обеспечение привозимых нами товаров и хлеба, устроить в Краснодарском заливе крепостицу с достаточным гарнизоном и артиллерией». Тем более, что «хищность народа туркменского делает предосторожность сию нужной» [6, л. 16 об. – 17].

Интересно, что Ермолов предлагал устроить и второе укрепление на восточном берегу Каспия, в урочище Тюк-Караган, которое осмотрел и предложил в качестве опорного пункта в 1807 г., инженер Фелькерзам. Строительство сразу двух укреплений по мнению кавказского главнокомандующего, утвердит положение России как «единственной обладательницы моря» и представит ей «несчетные выгоды» [22, л. 18].

В 1825 г. для изучения восточных берегов Каспия была снаряжена торгово-ученая экспедиция, которую возглавил ординарный профессор Казанского университета Э. И. Эйхвальд. Он прибыл в Астрахань в ноябре 1825 г., и с мая следующего года «предпринял путешествие» по Каспийскому морю для «точнейшего описания в отношении к произведениям тамошних народов» [5, л. 2].

В Гюмиш-Тепе Э. И. Эйхвальд встречался с туркменскими ханами и влиятельными лицами. Туркмены в знак уважения к русским «привозили ему в подарок арбузов и дынь» [2, с. 9].

То, что строительство русских укреплений в 20-е гг. на восточном Каспийском берегу не осуществлялось, объясняется Восточным кризисом 20-х гг. XIX в. и русско-иранской войной 1826–1828 гг. Эти события отвлекли внимание царизма. И вновь самодержавие возвратилось к этой теме в 1830–1840-е гг. [20, с. 225]. Окончательно вопрос основания русского опорного пункта на туркменском берегу был решен в 1846 г., когда было основано Ново-Петровское укрепление на Мангышлаке.

Список литературы

1. Абдуллаев Ф. Из истории русско-иранских отношений и английской политики в Иране в начале XIX в. Ташкент, 1965. 36 с.
2. Агаев Х. Взаимоотношения прикаспийских туркмен с Россией в XIX в. (до присоединения к России). Ашхабад, 1965. 258 с.
3. Аннанепесов М. Хозяйство туркмен в XVIII–XIX вв. Ашхабад, 1972. 284 с.
4. Арсеньев А. О. О российской торговле: Президенту Коммерц-коллегии в 1798 г. // Дух журналов. СПб., 1816. Ч. 12, кн. 24. 75 с.
5. Архив внешней политики России. Ф. Главный архив, I-10, Д. 1, папка 1.

6. Архив внешней политики России. Ф. Главный архив II-18, 1819–1869 гг., оп. 8, д. 14.
7. Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 5. 700 с.
8. Атаев А. Х. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII–XIX вв. М., 1991. 264 с.
9. Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868. 378 с.
10. Государственный архив Астраханской области. Ф. 1, оп. 7, т. 2, д. 1615.
11. Гродеков Н. И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб., 1883. Т. 1. 804 с.
12. Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. 225 с.
13. Журнал министерства внутренних дел. СПб., 1845. Ч. 12, № 12.
14. Записки А. П. Ермолова, 1816–1827 гг. М., 1868. 215 с.
15. Записки Д. Б. Мертваго // Русский Архив. СПб., 1867. № 8–9. 368 с.
16. Записки Н. Н. Муравьева-Карского // Русский архив. СПб., 1886. № 4–5. 458 с.
17. История отечественного востоковедения до сер. XIX в. М., 1990. 186 с.
18. Карьев А. и др. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII–XIX вв. Ашхабад, 1954. 227 с.
19. Карьев А. К. Русско-туркменские взаимоотношения в XVIII–XIX вв. // Материалы Первой всесоюзной научной конференции востоковедов. Ташкент, 1958. С. 58–69.
20. Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984. 328 с.
21. Корф Ф. Воспоминания о Персии 1834–1835 гг. СПб., 1838. 358 с.
22. Левшин А. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. 656 с.
23. Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 182 с.
24. Муравьев Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М., 1822. Т. 1. 456 с.
25. Риттих П. А. Наши сношения с Персией и ее политическое положение в XIX столетии // Русский вестник. СПб., 1896. Т. 244. 122 с.
26. Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв. Ашхабад, 1963. 448 с.
27. Симонич И. О. Воспоминания полномочного министра (1832–1838 г.). М., 1967. 176 с.
28. Сопленков С. В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (I половина XIX в.). М., 2000. 214 с.
29. Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. М., 1974. 406 с.
30. Халфин Н. А. Жизнь и труды И. Ф. Бларамберга. М., 1978. 216 с.
31. Центральный государственный исторический архив. Ф. 13, оп. 2, д. 475.
32. Штейнберг Е. Л. Первые исследователи Каспия (XVIII–XIX вв.). М., 1949. 75 с.

References

1. Abdullaev F. *Iz istorii rusko-iranskih otnosheniy i angliyskoy politiki v Irane v nachale XIX v.* [From the history of Russian-Iranian relations and British policy in Iran at the beginning of the XIX century]. Tashkent, 1965.
2. Agaev H. *Vzaimootnosheniya prikaspiyskikh turkmen s Rossiei v XIX v. (do prisoedineniya k Rossii).* [Relations with Russia Caspian Turkmens in the XIX century. (before joining Russia)]. Ashhabad, 1965.
3. Annanepesov M. *Khozaystvo turkmen v XVIII–XIX vv.* [Turkmen Economy in XVIII–XIX centuries]. Ashkhabad, 1972.
4. Arsenev A. O. *O rossiyscoy trgovle: Prezidentu Kommerts-kollegii v 1798 g.* [About Russian trade: the President of the Commerce College in 1798]. *Dukh zhurnalov* [Spirit magazines]. St. Petersburg, 1816, vol. XII, book 24.
5. *Archive of the Russian foreign policy*, fund Glavniiy arhiv, I–10, case 1, folder 1.
6. *Archive of the Russian foreign policy*, fund Glavniiy arhiv, II–18, 1819–1869, inventory 8, case 14.
7. *Archive graphs Mordvinovs.* St. Petersburg, 1905.
8. Aтаев А. Н. *Torgovo-ekonomicheskie svyazi Irana s Rossiei v XVIII–XIX vv.* [Trade and economic relations between Iran and Russia in XVIII–XIX centuries]. Moscow, 1991.
9. Galkin M. N. *Etnograficheskie i istoricheskie materialy po Sredney Azii i Orenburgskomy krayu* [The ethnographic and historical materials in Central Asia and the Orenburg edge]. St. Petersburg, 1968.
10. *State archive of the Astrakhan region*, fund 1, inventory 7, vol. 2, case 1615.
11. Grodekov N. I. *Voyna v Turkmenii. Pohod Skobeleva v 1880–1881 gg.* [The war in Turkmenistan. Hiking in Skobelev 1880–1881 biennium]. St. Petersburg, 1883, vol. 1.
12. Zhukovskiy S. V. *Snosheniya Rossii s Buharoy za poslednee trehsotletie* [Russia's relations with Bukhara during the last tercentenary]. Petrograd, 1915.
13. *Zhurnal ministerstva vnutrennikh del* [Journal of the Ministry of Internal Affairs]. St. Petersburg, 1845, vol. 2, no. 12.
14. *Zapiski A. E. Ermolova, 1816–1827 gg.* [Notes by A. P. Yermolov 1816–1827]. Moscow, 1868.
15. *Zapiski D. B. Mertvago* [Notes by D. B. Mertvago]. *Russkiy arhiv* [Russian archive]. St. Petersburg, 1867, no. 8–9.
16. *Zapiski N. N. Muraveva-Karskogo* [Notes by N. N. Muravev-Karski]. *Russkiy arhiv* [Russian archive]. St. Petersburg, 1886, № 4–5.
17. *Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya do ser. XIX v.* [History of Russian Oriental Studies until the middle. XIX century]. Moscow, 1990.
18. Kariev A. et al. *Ocherki iz istorii turkmenского naroda i Turkmenistana v VIII–XIX vv.* [Sketches from the history of the Turkmen people and Turkmenistan in the VIII–XIX centuries]. Ashkhabad, 1954.
19. Kariev A. K. *Russko-turkmenkie vzaimootnosheniya v XVIII–XIX vv.* [Russian-Turkmen relations in the XVIII–XIX centuries]. *Materialy Pervoy vsesoyuznoy konferentsii vostokovedov* [Proceedings of the First All-Union Conference of Orientalists]. Tashkent, 1958.

20. Kinapina N. S., Bliev M. M., Degoev V. V. *Kavkaz i Srednaya Aziya vo vneshney politike Rossii* [Caucasus and Central Asia in Russian foreign policy.]. Moscow, 1984.
21. Korf F. *Vospominaniya o Persii 1834–1835 gg.* [Memories of Persia 1835–1836]. St. Petersburg, 1838.
22. Levshin A. *Opisanie kirgis-kaisachikh, ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepey* [Description Kirghiz Kirghiz or kaysachih Kaisak hordes and steppes]. St. Petersburg, 1832.
23. Meiendorf E. K. *Puteshestvie is Orenburga v Bukharu* [Journey from Orenburg to Bukhara]. Moscow, 1975.
24. Muravev N. N. *Puteshestvie v Khivu i Bukharu v 1819 i 1820 gg. gvardeyskogo Generalnogo shtaba kapitana Nikolaya Muraveva, poslanного v sii strany dlya peregovorov* [Travel to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820. Guards Captain of the General Staff Nikolai Muravyov sent to these countries for negotiations]. Moscow, 1822, vol. 1.
25. Rittih P. A. *Nashi snosheniya s Persiey i ee politicheskoe polozhenie v XIX stoletii* [Our relations with Persia and its political position in the XIX century]. *Russkiy vestnik* [Russian Gazette], St. Petersburg, 1896, vol. 244.
26. *Russko-turkmenskije otnosheniya v XVIII–XIX vv.* [Russian-Turkmen relations in XVIII–XIX centuries]. Ashkhabad, 1963.
27. Simonich I. O. *Vospominaniya polnomochnogo ministra (1832–1838 gg.)* [Memories minister plenipotentiary 1832–1838]. Moscow, 1967/
28. Soplenkov S. V. *Doroga v Arzrum: rossiyskaya obschestvennaya misl o Vostoke (I polovina XIX v.)* [The road to Erzerum: Russian social thought of the East (I half of XIX century)]. Moscow, 2000.
29. Khalifin N. A. *Rossiya i khanstva Sredney Azii* [Russia and the Central Asian Khanate]. Moscow, 1974.
30. Khalifin N. A. *Zhizn i trudi I. F. Blaramberga* [Life and works of I. F. Blaramberg]. Moscow, 1978.
31. *Central State Historical Archive*, fund 13, inventory 2, case 475.
32. Shteinberg E. L. *Pervye issledovateli Kaspiya* [The first explorers of the Caspian Sea (XVIII–XIX centuries)]. Moscow, 1949.

О ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ СССР И МНР В 1930-е гг.

Манжиков Эрдне Басанович, аспирант, Калмыцкий государственный университет, Российская Федерация, Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11, E-mail: jogaeva@mail.ru

В предвоенные годы в своей внешней политике Монгольская Народная Республика активно поддерживала тесное сотрудничество с Советским Союзом в соответствии с Протоколом о взаимной помощи 1936 г. Протокол 1936 г. способствовал не только укреплению военно-политического союза СССР и МНР, но и значительно укрепил обороноспособность и безопасность Монгольской Народной Республики, укрепил МНР в качестве суверенного государства, что лежало в русле внешнеполитических интересов Москвы. Геополитический характер этих интересов был неизменен. В свою очередь, Улан-Батору на международной арене требовалась поддержка Москвы. Советская помощь продолжала служить Монголии надежным «зонтиком безопасности». X съезд МНРП (20 марта– 5 апреля 1940 г.) подвел итоги по реализации задач демократического этапа революции и определил стратегический курс страны на социалистическом этапе. X съезд МНРП и VII Великий Народный Хурал одобрил успехи исторических побед монгольского народа на пути крупных преобразований с 1921 по 1940 г., принял новую Конституцию МНР. Правительство МНР приняло решение о строительстве ряда новых объектов, среди которых были такие, как Мясокомбинат – крупнейшее предприятие пищевой промышленности, Государственный театр и др.

Ключевые слова: Советский Союз, Монгольская Народная Республика, протокол, безопасность, X съезд МНРП, Конституция, закон, труд, война, соглашение, Китай

ABOUT THE MUTUAL AID OF THE USSR AND MONGOLIA IN 1930TH

Manzhikov Erdne B., postgraduate student, Kalmyk State University, 11 Pushkina Str., Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation, E-mail: jogaeva@mail.ru

In preliminary years in the foreign policy the Mongolian National Republic active supported close cooperation with the Soviet Union according to the Protocol on mutual aid of 1936 the Protocol of 1936 promoted not only to strengthening of the military-political union USSR and MNP, but also considerably strengthened defense capability and safety Mongolian, but also considerably strengthened defense capability and safety of the Mongolian National Republic, strengthened MNR as the sovereign state that lay in the course of foreign policy interests of Moscow. Geopolitical nature of these interests was invariable. In turn, Ulan Bator on the international scene needed support of Moscow. The Soviet help continued to serve Mongolia reliable as « a safety umbrella». The X congress MNRP summed up the results on realization of problems of a democratic stage of revolution and defined a strategic course of country at a socialist stage. X congress MNRP summed and the VII Great National Hural summed approved progress of the largest historical victories of the Mongolian people on the way of revolutionary changes from 1921 to 1940. The government of MNR made the decision on construction of a number of new objects among which were such as – processing plant – the largest enterprise of the state food industry, the State theater were constructed.

Keywords: Soviet Union, Mongolian National Republic, protocol, safety, X congress of MNRP, Constitution, law, war, agreement, China

С нападением фашистской Германии на Польшу в сентябре 1939 г. вспыхнула Вторая мировая война, продолжавшаяся до сентября 1945 г. Вторая мировая война началась между Германией, Италией и Японией, с одной стороны, и США, Англией и Францией – с другой, за источники сырья, рынки сбыта и сферы влияния. В германо-итальянском фашизме и виделась ударная сила, которая могла разгромить и